

ПОЭТИКА РОМАНА А.ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

В данной статье рассматриваются элементы творчества А.Платонова, автора романа-антиутопии «Чевенгур». Определена специфика данного жанра, типологические и субъективные черты антиутопии.

Работая в студенческой аудитории, я еще иногда слышу вопрос: а нужен ли нам А.Платонов со своими косноязычными героями, трудными для восприятия сегодняшнего читателя языком? И, не задумываясь, отвечаю, что не только нужен, но необходим. Мало кто из писателей сумел столь правдиво воспроизвести эпоху, ее язык, показать тех, кто счел себя в праве доказать возможность земного рая. Но если бы только об этом были произведения Платонова. Платонов принадлежит к тем немногочисленным писателям, кто услышал в революции не только музыку, но и отчаянный крик. Народ воспринял октябрь 1917 года в духе библейского мифа о рае, но рае земном. Все казалось возможным и легко осуществимым. Возвращение к реальности было тяжелым и болезненным - слишком велики были перегрузки. Революционные идеи овладевали массами. Но вот как они усваивались - это вопрос.

В романе «Чевенгур» сталкиваются утопические надежды перестроить мир как в сказка «по-щучьему (по коммунистическому – З. П.) велению, по-моему (народному_З.П.) хотению». В представлении народа социализм видится как сообщество хороших людей, заботящихся о человеческом душе. Нет ни бедных, ни богатых, ни униженных. Все равны, все одинаковы. А социализм получится сам по себе. Без кропотливой работы, организации, учета, строгой дисциплины. Ведь всякий труд - это уже товар, собственность, а значит - капитализм.

Такой утопический социализм и создают герои А.Платонова в «Чевенгуре». Столкновение утопических представлений о социализме с реальной практикой строительства социализма точно зафиксировано Платоновым, причем писателю удалось показать глубину этой проблемы и ее социальные потенции. Поэтому роман Платонова «Чевенгур» относится к жанру антиутопии. Антиутопия предполагает изображение отрицательных последствий социальных экспериментов, в основе которых лежит построение «общества будущего», соответствующего определенной идеологической модели.

Роман «Чевенгур» состоит из двух частей: повести – притчи «Происхождение мастера», рассказывающей о русском умельце Захаре Павловиче, своеобразном народном философе. Эволюции его мироощущения, а также о дореволюционной жизни России, и романа «Чевенгур». Обе части романа связаны образами главных героев- Захара Павловича и его приемного сына Саши Дванова и сквозным мотивом путешествия: «Чевенгур» имеет подзаголовок «Путешествие с открытым сердцем», в связи с этим возникает вопрос – о ком говорится в подзаголовке, кто путешествует вначале по дореволюционной, охваченной голодом России. А затем по России периода военного коммунизма и НЭПа – Захара Павловича, Саша Дванов, Чепурный или Копенкин? На этот вопрос поможет ответить повесть-притча «Происхождение мастера», в которой скрыт глубокий философский смысл, воплощающий авторскую сверхзадачу. Мы приходим к выводу, что это путешествие по России с открытым сердцем предпринимает сам Платонов, чтобы показать хотя бы уголок провинциальной России правдиво, без утайки, рассказать о происходящем. «Как Гоголь, который следуя мотивам «Божественной комедии» Данте. Попытался показать ад современной российской жизни, своеобразную русскую преисподнюю с галереей «мертвых душ» помещиков и чиновников. Так и

Платонов представляет читателю «адово дно коммунизма» - целую серию гротескных ревзаповедников, уездных коммун, маленьких «чевенгуров», где того гляди, по мнению их основателей, наступает «коммунизм».

Герои «Чевенгура» представляют социализм малодворными артельными поселками с общими приусадебными наделами. Все они не сеют, не пахут, а ждут, что самособой «произрастет» коммунизм – без труда, без имущества, без материальных забот. Это люди, думающие в соответствии с обстоятельствами, с разными идеями, со своими странностями и фантазиями, входящие в соприкосновение друг с другом. Но все они идут к общей цели. Яснее других ее формулирует рыцарь революции, Копенкин. Он кричит задумавшемуся человеку: «Да что ты, гнида такая... закончи к лету социализм. Вынь меч коммунизма, раз у нас железная дисциплина». И еще: «Социализм придет моментально и все покроет. Еще ничего не успеет родиться. Как хорошо настанет».

Большинству героев поначалу свойственен утопизм мышления и чувств. После окончания жестокой братоубийственной гражданской войны все ждали немедленного наступления социализма. Ведь для этого и воевали, лили кровь, жертвовали собой. Только откуда же он возьмется, если кругом разруха, запустение, холод и голод?! Но отрезвление придет позже, а пока все «строят» немедленный социализм за счет разграбления богатых помещичьих усадеб, передачи домашней скотины имущих, неимущих, уравнительного распределения материальных благ, бюрократического придумывания фиктивных должностей для быстрого воплощения идей революции, а на самом деле выгодного обслуживания самих себя».

Широко используя такие художественные средства как словесный гротеск, ирония, символика образов, искусство детали и др. Платонов шаг за шагом обнажает несостоятельность нелепых новообразованных на огромной российской земле, абсурдность и трагизм внезапно образующихся утопий.

Платонов представляет в романе, если воспользоваться терминологией М.Бахтина, «множественность голосов эпохи», которые выражают точки зрения реально существовавших социальных групп: крестьянства (кузнец Сотых, Недоделанных рябой мужик), рабочих (Захар Павлович, безымянный машинист), левацки настроенных революционеров (Чепурный, Копенкин, Прохор Дванов), анархистов (Пашинцев, Мрачковский). Таким образом, «Чевенгур» -роман многоголосый, и эту его особенность отметила Н. Иванова: «По Платонову, истина не может принадлежать одному человеку. Не может вместиться в одно сознание. Роман представляет собой мощный народный диспут, открытый митинг о судьбах страны. О настоящем и будущем общества».

Автор показывает, как постепенно народный здравый смысл начинает противостоять идеологии нового порядка, подчеркивается утопичность и недолговечность последнего: «... Жителям надоели большие идеи и бесконечные пространства: они убедились. Что звезды могут превратиться в пайковую горсть пшена. А идеалы охранять тифозная вошь».

И в самом деле, кроме высоких идей не было у коммунаров знаний, не было политического опыта; стихийно утверждалась идея неизбежности, необходимости построения коммунизма, представляющимся всем неопределенным раем, где упразднены «буржуазные» ценности, нет изнуряющего труда, нет классов. Ведь коммунизм – общество бесклассовое: «Когда пролетариат живет себе один, то и коммунизм у него сам выходит».

Оттого выливалось иногда это чувство в действия жестокие и бессмысленные, как расстрел бывшей буржуазии и « класса остаточной сволочи» в Чевенгуре. Как говорит Копенкин: «Мое дело - устранять враждебные силы. Когда все устраню, - тогда оно само получится, что надо». Даже «сокровенный» человек Дванов, герой всегда занятый своими мыслями, также думает, что только полностью разрушив прошлое, можно на нетронутой почве устроить заманчивую и интересную жизнь. Поэтому и ведет Платонова своего героя

по России, делая свидетелем самых невероятных социальных экспериментов. Помогая ему осознать происходящее, сделать вывод о губительных последствиях подобных социальных опытов. Сталкиваясь с самыми странными людьми, фанатиками, прожектарами, чудаками, бандитами, не обладающими ни культурной, ни интеллектом, единственным оружием которых является насилие и классовое чутье. Автор показывает как строится в Чевенгуре коммунизм: прежде всего необходимо отучить грамотных от букв для всеобщего равенства. Отменены деньги, почта отменена. Потому что «пролетарии уже вплотную соединены, труд объявляется пережитком жадности, ум под подозрением. Коммунизм, как считают чевенгурцы, утвержден полностью, только вот все глуше становится, все бесприютное и безнадежнее!». Коммунизм оказался выдуманым для идеи, а не для жизни ребенка. Не для человека, вызванный Копенкиным в Чевенгур Дванов, для перенятая опыта коммунизма с целью распространения, тоже глубокого потрясен и опечален.

«Революция миновала эти места, освободила поля под мирную тоску, а сама ушла неизвестно куда, словно скрылась во внутренней темноте человека, утомивших на своих пройденных путях. А в мире было – как вечером, и Дванов почувствовал, что в нем наступает вечер. Время зрелости, время счастья или сожаления...».

Это ключевые страницы романа. С них начинается переоценка прежних ценностей, происходит возвращение к человеку. Его потребностям, к работе, семье, восстанавливаются связи между людьми, человеком и природой... Чевенгурцы стали налаживать электричество, изобретать полезные машины, строить, пахать землю... Казалось бы на этой мажорной ноте можно было закончить роман. Но мудрый Платонов увидел новую опасность. К народу, делавшему свое дело, «пристраивался бюрократ, аппаратчик, учетчик, демагог. Теперь он начинал организовывать, командовать, учить, подбирать кадры. А в сущности, рвать самую большую долю незаработанного им пирога».

А.Дванов, который всегда хранил память об отце, детстве, озере Мутево, на дне которого отец пытался разгадать тайну смерти, «в чувстве стыда жизни» повторяет его путь. Этим можно было бы и закончить, если не вспомнить о том, что роман написан в конце 1920-х годов, насильственно был прерван НЭП и столь же крутыми мерами проводилась коллективизация. В известном смысле возвращался тот же «коммунизм» с продрозверсткой, уничтожением «капиталистических» классов, а потом и середняка для полного торжества бедноты во всех отношениях – социальном, материальном, моральном.

Это ли не дантовские круги ада, когда два эпохи неожиданно начали совпадать, и поэтому платоновский их анализ имел не только смысл, но и смысл прогностический. Уже было очевидно, что нельзя основывать коммунизм только на перераспределении существующего имущества, на уравниловке, без наращивания производства, на материальной незаинтересованности в труде. Поэтому мы можем добавить к тому, что «Чевенгур» Платонова – антиутопия, это еще и роман-предупреждение.

Платонов предупреждал против равенства в бедности, голого пролетарства, когда лучше не работать, потому что всякая работа рождает добавочный продукт, связывает человека имуществом и лишает его классовой чистоты.

В этом предупреждении была мысль и о новых человеческих жертвах, о разрушении экономической связи, об ожесточении сердец, о взрыве бумажной, пустопорожней, бюрократической деятельности, плодящей сотни тысяч инструкций, циркуляров, приказов. О понижении общего интеллектуального уровня сводимого к приказу и исполнению, о страданиях тех, кто лишился родственных связей, духовных запросов и личной независимой жизни. Оттого на столь трагической ноте заканчивается роман. Платонов говорил нам не только о строительстве коммунизма, коллективизации. Его

прогнозы были связаны с сегодняшним днем. Ведь то, что есть в «Чевенгуре», есть еще в нашей жизни.

Литература:

1. Белова Т. Художественные принципы контраста и взаимопроникновения образов в романе А.Платонова «Чевенгур». //Вестник Московского университета, 1999, № 5. - С. 28.
2. Платонов А. Ювенальное море. Котлован. Чевенгур. -М., 1989. - С. 278.
3. Иванова А. Третье рождение. //Дружба народов, 1988, № 4. - С. 160.
4. Васильев В. Национальная трагедия: утопия и реальность. Роман А. Платонова в контексте его времени. //Наш современник, 1989, № 3. - С. 41.